

лучшие детективы мира

КУРТ АУСТ СУДНЫЙ ДЕНЬ

Этот роман можно смело
поставить в один ряд
с "Именем розы".

**OLDENBURGISCHE
VOLKSZEITUNG**

secretcorpus
тайное становится явным

Курт Ауст
Судный день
Серия «Томас Буберг и Петтер Хорттен», книга 1

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6715058
Судный день: АСТ: CORPUS; М.; 2014
ISBN 978-5-17-083432-7

Аннотация

Курт Ауст – датчанин, ныне живущий в Норвегии и пишущий по-норвежски, сразу стал знаменитым, когда опубликовал свой первый роман – “Судный день” (1999 год). Автор получил премию “За лучший дебют” издательства “Аскехауг”, а книга была переведена на несколько европейских языков и издана в Германии, Дании, Греции, Нидерландах, Литве и Чехии.

Почти канонический для средневекового романа сюжет приводит на память Умберто Эко. В замкнутом пространстве постоянного двора, отрезанного от мира снежной бурей, в канун Нового года нашли приют несколько путников. Среди них датский профессор Томас Буберг и его ученик, норвежец Петтер Хорттен. Именно им, – а это любимые персонажи Ауста, которые потом не раз появятся в его книгах, – предстоит разгадать тайну страшного преступления: незадолго до их появления на хуторе убит французский граф...

Содержание

Глава 1	6
ЧЕТВЕРГ, 28 ДЕКАБРЯ	12
Глава 2	12
Глава 3	18
ПЯТНИЦА, 29 ДЕКАБРЯ	24
Глава 4	24
Глава 5	27
Глава 6	30
Глава 7	33
Глава 8	40
Глава 9	43
Глава 10	50
Глава 11	53
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Курт Ауст

Судный день

К. Э. А.

*Сельский учитель – он звонким напоминанием откликается в
каждом из нас*

Paa hin vredens dag, den svære
Ild alverden vil fortære,
Som Sybil og David lære.

Hvilken skjælven da sig hæver,
Naar den strenge dommer svæver
Ned og alt til regnskab kræver.

Lydт basunens sterke tone
Frem af grave i hver zone
Stevner alle for Guds trone.

Døden da forfærdes saare,
Naar de døde staar af baare
Og til dommen gaar med taare.

Bogen, hvori alt fortælles,
Skal frembæres, dom skal fældes
Efter alt, hvad i den meldes.

Dies iræ, dies illa, ca. 1250 – norsk v V. Vogt¹

---

¹ *Dies iræ* (лат.) – День гнева, ветхозаветное название Судного дня – секвенция в составе католического реквиема.
(Пер. на норв. В. Вогт.)

Гольштейн-Готторпское княжество. Карта Буре де Боо, 1635 год.
Государственные границы соответствуют данным 1699 года.

Глава 1

“В начале было число, и Число было у Бога, и Число было Один. Единственный Бог”.

Я помню, как Томас Буберг произнес эти слова и взмахнул рукой, чтобы придать им значительности, его внушительная фигура нависла надо мной. Это будто произошло вчера – так хорошо мне все запомнилось. И в то же время у меня такое ощущение, словно целое столетие пронеслось с того дня, когда мы скакали бок о бок, продираясь сквозь пургу... А ведь не прошло и полувека.

Воспоминания сильнее тревожат разум, чем мечты и надежды, и это – один из верных признаков старости. Когда годы берут свое, неведение завтрашнего дня уже не щекочет нервы и ничто на свете не в силах раздуть искру в давно изношенном теле.

“Жизнь всегда наносит глубокие душевные раны”, – сказал как-то раз Томас Буберг. Порой профессор начинал рассуждать настолько рационально, что человеку незнакомому он вполне мог показаться циничным и бесчувственным. Его слова отпечатались у меня в памяти. Я ни на секунду не усомнился в их правдивости: первые раны, нанесенные мне еще в юности, проросли в мою старость, и по ночам они черной пеленой окутывают мой мозг. Об этих ранах я и напишу.

Я сижу в маленькой комнатке в доме князя Реджинальда, за много миль от родины, и пишу при зыбком пламени свечи. Старый, сгорбленный слуга принес таз горячей воды, благоухающей ароматическими маслами, и теперь мои изуродованные ревматизмом ступни нежатся в сероватой воде, пальцы ног похожи на маленьких рыбок, а приятное тепло поднимается вверх, добираясь до самого затылка, и проясняет мысли. Возле моей левой руки в кружке дымится крапивная вытяжка, помогающая при ревматизме, а около правой примостилась чернильница. Передо мной – нож, гусиные перья и промокашка. Все приготовлено, пора начинать рассказ.

О чем он будет, я решил уже давно, однако всё тяну время. Я оглядываю мою каморку – вижу кровать и груды сваленных в углу книг. А может, я пытаюсь разглядеть ответ в бликах свечи? Ответ на тот самый вопрос, какой я даже в мыслях едва отваживаюсь себе задать? На вопрос, который преследовал меня почти целую жизнь... неужели с того самого дня в прачечной? Возможно, это Томас посеял в моей душе сомнение? Или этот вопрос притаился среди выстиранного белья и настиг меня там? Я всегда отрицал это. Просто потому, что *не желаю* сомневаться. Даже сейчас, в старости, у меня не хватает смелости напрямую спросить. Пусть лучше он возникнет потом, по ходу рассказа. Потому что тогда не мне суждено задать его.

У меня каждый раз перехватывает дыхание, как в тот день, когда я впервые услышал этот вопрос, заданный напрямую, без обиняков. Произошло это сорок лет назад, в мире, заполненном слепящим белым цветом, пугающей белизной. Но нет, тогда белый не был цветом святости и целомудрия, чистоты и невинности.

Как нечто, столь чистое и незапятнанное, пропиталось вдруг злом и обманом? Неужели дьявол всему виной?

Я понимаю, что просто тяну время. Возможно, меня пугает лист чистой, белой бумаги передо мной? И я боюсь замарать его словами? Удастся ли мне по заслугам воздать профессору Бубергу? Когда просто рассказываешь о чем-нибудь вслух, то почти не чувствуешь никаких обязательств. А вот когда записываешь, ты пытаешься докопаться до истины, будто стремишься оставить свои слова в вечности.

Я поступил в услужение к блаженной памяти князю Вильгельму и стал сначала гувернером его сына, девятилетнего Реджинальда, а потом учил уже двух сыновей Реджинальда,

пытаясь хоть каплю мудрости вложить в их буйные головы... Да простит им Господь мою раннюю седину. Когда Реджинальд вырос и возмужал, я понял, что труды мои не прошли даром – надо сказать, я не смел и надеяться, что этот неугомонный германец так много усвоит.

На протяжении всех этих лет, обучая отца и его сыновей, я старался разжечь в них интерес к наукам и прибегал к одной удивительной уловке: объясняя и рассказывая, я на время вживался в роль профессора Томаса Буберга. Я говорил его голосом, излагал его мысли – упаси меня Господь обидеть профессора, – но ведь тот своим долгом считал менять суждения каждый день, – а все ради того, чтобы подразнить меня. Я перенял его жесты и напускал на себя важность – точь-в-точь надутый гусь, но зато мальчишки слушали, открыв рот, и старались не пропустить ни слова, даже на самых сложных уроках арифметики.

За окном гуляет ветер, и до меня доносится тихий шорох – это старый дуб скребет по стеклу ветвями. Слабое дуновение проносится вдруг по комнате, так что тени на стене трепещут, и кажется, будто каморка приходит в движение. Может, это знак? Завтрашний день – что в нем толку? Нет ничего важнее моего рассказа. Надеюсь, что допишу его прежде, чем свеча моей жизни начнет угасать.

Я познакомился с Томасом Бубергом ненастным ноябрьским днем в год Господень 1697. Профессор приехал в Норвегию по поручению Датской Королевской Академии: ему нужно было проследить за строительством маяка на острове Фэдер и проверить доходность кое-каких предприятий, в которые университетский консорциум собирался вложить средства.

Мы с Нильсом сидели в Тронвике, что на острове Иелёй, и ждали, когда из Фредрикстада доставят груз, который нам надо будет везти через фьорд до самого Тонсберга, – как вдруг перед нами появился одетый с иголки господин. Он пожелал, чтобы его немедленно перевезли через фьорд, а уж он не поспеет. Незадолго до этого Нильс рассуждал, что зюйд-ост разыгрался не на шутку, и потому мы пробормотали: “может, чуток переждем”. Однако господин сердито фыркнул и, по-датски выговаривая слова, заявил, что “небольшой ветерок” ему не помеха, после чего дал нам по шиллингу. Испугавшись, что господин передумает, мы спрятали монеты и принялись спускать лодку на воду. Груз из Фредрикстада может и подождать.

До Гулххолмена мы еле дотянули – ветер дул такой, что тут уж мы сами были готовы передумать. О том, чтобы добраться до Хорттена, как вначале собирались, и речи быть не могло, поэтому мы взяли курс на небольшой островок к северу от Хорттена и, что было сил налегая на весла, вошли в залив возле острова Лёвёй. Вымокли мы до нитки, да и намучились порядочно. За всю дорогу господин не проронил ни слова, однако старался помочь – то вставал на парус, то брался за весла, а потом, когда мы подплыли наконец к каменистому берегу и начали швартоваться, молча уселся на заднюю банку С его бороды и одежды стекали ручейки соленой морской воды.

Украдкой поглядывая на нашего пассажира, я готов был поклясться моей бедной матушкой, что тот смотрит на бушующее море, а сам просто-напросто потешается над нами. На фоне серой воды четко вырисовывался его массивный черный силуэт – большая круглая голова на грузном теле, напоминая мне снеговиков, которых мы лепили в детстве.

Нильсу в компании незнакомцев всегда было не по себе, поэтому он сразу отправился в Хорттен за лошадьё и повозкой.

Подхватив дорожную сумку и чемодан пассажира, я повел его наверх, к маленькой избушке, где земледелец из Брума хранил рыболовецкие сети и прочий хлам. Дверь оказалась на замке: этот скряга из Брума так боялся воров, что даже старые рыболовные снасти и те запер. Я обошел вокруг избушки и, пошарив под стрехой, вытащил железную скобу, а потом стал ковыряться ею в огромном висячем замке. Наклонившись, господин пристально

наблюдал за мной, а потом, когда дверь в конце концов распахнулась, вдруг расхохотался, да так громко, что даже сквозь бурю было слышно.

Вообще-то я думал, что мы просто переждем внутри, пока Нильс не раздобудет повозку, однако господин повернул все на свой лад. Он вдруг споткнулся и разразился такими ругательствами, что мне, простому деревенскому пареньку, оставалось только покраснеть.

– Это еще что за чертовщина? Неужели печка? – донеслось до меня из темноты.

Я решил, что он, пожалуй, прав. Осторожно ступая, господин подошел к двери и принялся рыться в сумке.

– Поищи-ка дров, неплохо бы согреться, – скомандовал он, чиркнув огнивом. Потом послышался шорох, и мой попутчик сунул мне лист бумаги. Я нерешительно ощупал бумагу, страшась пускать на розжиг столь дорогостоящий товар, но, услышав нетерпеливый окрик “чего ждешь?”, разжег огонь в проржавевшей печи, и вскоре завывание ветра уже казалось далеким и не таким грозным, как прежде. Мы растянули под потолком веревку и развесили на ней вымокшую одежду, а господин вытащил из чемодана, не промокшего при переправе, все сухое. Я натянул длинные белые шерстяные штаны, и спутник мой рассмеялся:

– Тебе, парень, неплохо бы нарастить мяса.

Штаны действительно оказались столь просторными, что таких, как я, в них с легкостью поместилось бы двое.

– Отчего господин сам их не наденет? – И я попытался было снять штаны.

– Ну что ты надулся, как старая дева? И зовут меня Томас Буберг. А тебе разрешаю звать меня Томасом. Вот так я и познакомился с профессором Томасом Бубергом, а та ночь в хижине положила начало отношениям, которые теперь, спустя много лет, я осмелюсь назвать дружбой.

Около полуночи явились Нильс и владелец хижины, и если бы не представительный господин из королевского Копенгагена, владелец непременно задал бы мне жару за сломанный замок и пожженные дрова. Однако Томас Буберг весьма лестно отозвался о нашей с Нильсом находчивости и даже обещал упомянуть в своем отчете и самого хуторянина из Хорттена, оказавшего нам неоценимую услугу.

К утру все окутал густой туман, так что путешествовать как по суше, так и по морю было опасно, и профессор решил переждать пару дней в Хорттене. Платил он щедро и охотно, поэтому хуторянин остался доволен.

И, как часто бывает, когда на хутор заезжали гости, на мою долю теперь выпало прислуживать профессору, показывать хутор и отвечать на вопросы. Самому хозяину было не до этого, хозяйка в присутствии незнакомых мужчин начинала краснеть и запинаться, а Нильс в такие минуты будто сквозь землю проваливался. Нет, я был не против – люди сюда заезжали из самых разных мест и рассказывали много интересного, хотя подобных профессору я еще ни разу не видал. Ему захотелось посмотреть солеварню, и по пути туда он успел дать хозяину несколько дельных советов. Он с интересом изучил большую шхуну, которую мы с Нильсом и хозяином еще не закончили строить, и поинтересовался, почему штевень такой изогнутый. А про хозяйство задал бесчисленное количество вопросов, желая узнать обо всем как можно подробнее – о величине угодий, о поголовье скота и о том, сколько возов сена умещается в сарае. Потом он уселся за стол и принялся делать какие-то пометки в небольшом блокноте, который всегда носил с собой. Отвечал я прилежно и со всем старанием, и да простит мне Господь эту похвальбу, но моя память и сообразительность необычайно понравились профессору. Однажды вечером, когда мы гуляли по берегу в поисках топляков, он, желая меня подразнить, даже сказал, что если бы я не был неграмотным деревенщиной, то, возможно, стал бы когда-нибудь профессором. Эти слова навели меня на определенные размышления, и на следующий день я спросил у него, как люди учатся читать и писать.

Профессор рассмеялся и ответил, что подобная наука занимает годы, много лет – и зародившаяся в моей душе надежда тотчас же увяла и засохла. Больше я с профессором об этом не заговаривал.

В Хорттене профессору понравилось – он прожил там почти две недели, а потом его подобрала одна из шхун купца Мадса Грегерсена, держащая курс из Тонсберга на Копенгаген.

Однако перед отъездом Томас Буберг успел преподнести мне лучший в жизни подарок, которому суждено было определить всю мою судьбу. Сначала он договорился с хозяином, что священник из церкви Ньюкьерке научит меня писать и читать Священное Писание. И сам профессор начнет со мной переписываться – так он сможет следить за моими успехами. Затем они с хозяином решили, что если я окажусь способным, то по достижении семнадцатилетия отправлюсь в Копенгаген и поступлю в услужение к профессору, став его секретарем.

До сих пор я ежевечерне благодарю Господа за то, что судьба свела меня с Томасом Бубергом.

Спустя два года, вечером 25 августа 1699, я сошел на пристань в Копенгагене, столице государств-близнецов с единовластным королем Кристианом V.

Правда, тому оставалось править совсем недолго. Всего через несколько часов монарх скончался, а в окне королевского дворца появился престарелый господин в длинноволосом парике и выкрикнул, что король мертв, но должен здравствовать. Для деревенского паренька из Норвегии осознать такое оказалось непросто, но, к счастью, на дворцовой площади прямо возле меня стоял подмастерье башмачника – он и объяснил мне, что “здравствовать” будет наследный принц Фредерик, который отныне станет датским королем Фредериком IV.

О том, когда я приеду, Томас Буберг не знал, и мне пришлось самому добираться до его дома на улице Стуре Канникестрэде. Из-за кончины короля в городе поднялся переполох, поэтому, когда я отыскивал наконец дом профессора, уже наступил вечер и столичные улицы озарились светом удивительных медных фонарей на высоких столбах.

Не стану углубляться в подробности первых месяцев моей жизни в доме Томаса и его семьи – не в этом смысл моего повествования, посвященного событиям более поздним, свершившимся на рубеже веков. Однако переезд в Копенгаген в корне изменил мою жизнь, до тех пор протекавшую на сельском хуторе, где из книг была всего одна – Священное Писание, да и его никто не мог прочесть, пока священник из Ньюкьерке не приоткрыл передо мной завесу этой премудрости. Теперь же я очутился вдруг в доме, где даже восьмилетняя девочка – самая младшая из дочерей – по складам разбирала латинские тексты и где вдоль стен тянулись полки с книгами, в которых за кожаными переплетами таились знание и мудрость.

Здесь я получил такую возможность утолить свою жажду знаний, о какой и не мечтал, и долго бродил в каком-то счастливом оцепенении. Иногда вместо того, чтобы отвечать на один из моих многочисленных и диких вопросов, Томас Буберг брал с полки книгу и говорил:

“Прочти – и найдешь в ней ответ”.

Случалось, что я действительно находил ответ, но порой ничего не понимал, а иногда в книге попадались ответы на такие вопросы, которые мне бы и в голову не пришли.

Тот период был временем великих перемен для меня, но не для Датско-Норвежского королевства. Прежний король умер, и на трон взошел двадцативосьмилетний наследный принц Фредерик. Несмотря на молодость, он оказался не самым юным из североевропейских правителей. В Швеции на престоле сидел самый настоящий мальчишка – Карлу XII было тогда лишь шестнадцать, к югу находилось герцогство Гольштейн-Готторпское, пра-

витель которого, двадцативосьмилетний герцог Фредерик Кристиан, люто ненавидел Данию и, по мнению Томаса, отличался незрелостью ума.

Россией управлял царь Петр Великий, всего на год младше герцога, а в Польше властвовал курфюрст Саксонский и король Польский Август Сильный, которому исполнилось двадцать девять.

“Сосунки!” – так отозвался о них Томас, когда мы были наедине, а в другой раз заявил: “Когда молодые короли начинают спорить, кто из них сильнее, то доказывать силу на деле приходится старым солдатам”.

Герцог Гольштейн-Готторпский заключил брак с сестрой шведского короля, и если отношения между Данией и Швецией не клеились уже много лет, то эта женитьба стала верным признаком того, что и в последующие годы обстановка не улучшится. Породнившись с Фредериком Кристианом, Карл XII возвел герцога в ранг главнокомандующего всеми войсками в шведских провинциях в Передней Померании и Бремен-Вердене, а для южной датской границы это означало неизбежную угрозу. За несколько лет до смерти, в мае 1697-го, прежний датский король, Кристиан V попытался подрезать воинственному герцогу крылья, вторгся в шведские владения в Южной Ютландии и сровнял с землей возведенные герцогом фортификационные укрепления возле Тоннингена. Однако, к изумлению старого короля, все союзники Дании тотчас же потребовали, чтобы тот держался подальше от готторпских земель, и датчанам пришлось отступить.

Позже Томас назвал это время “*juventute et perturbationibus regnatae*”, то есть “эпохой правления запальчивых юнцов”, – тогда в Европе царили неопределенность и юношеское безрассудство. В кругу друзей Томаса часто обсуждалась опасность новой войны, Сконская война и большое морское сражение между Стевнсом и Фалстербо, к югу от бухты Кёге, в котором столкнулись датская и шведская флотилии. Не осталась без их внимания и предпринятая спустя семь лет попытка старого короля захватить территории, простирающиеся от Южной Ютландии до Эльбена, и его требование править городом Гамбургом. И все соглашались, что датский король и его советники неверно оценили обстановку, а в будущем подобное унижение для Дании недопустимо.

Большинство датчан желало мира и спокойствия. Несмотря на опасность, исходящую от собратьев по ту сторону пролива Зунд и их странноватого малолетнего короля, все до последнего сохраняли надежду, что войны удастся избежать. Однако и Томас, и его друзья давно уже отбросили всякие иллюзии на этот счет, – точно так гусь стряхивает с себя капли воды.

Пламя свечи вдруг встрепенулось, и на последних записанных мною словах заплясала тень от пера и пальцев. Дверь открылась, и в комнате появился Тобиас, старый слуга, – он пришел забрать остывшую уже воду, в которой мокли мои ноги. Он вытирает мне ступни, а я перечитываю написанное: пусть этот рассказ немного сбивчив, но я не отступлюсь и не стану углубляться в подробности моей жизни в Копенгагене. В те месяцы жизнь была насыщена событиями, и тогда я по-настоящему осознал волшебство слова, богатство словесных форм, стал причастным к удивительному миру цифр, однако все это лишь косвенно соотносится с темой моего повествования. Поэтому упомяну только, что мои навыки письма немного улучшились и, будучи секретарем профессора, я научился проявлять некоторое здравомыслие.

Не всему суждено остаться в вечности.

Тобиас помогает мне раздеться и лечь в постель, а затем кладет одну бутылку с горячей водой в ноги, а другую прикладывает к больной спине. Плотной подоткнув одеяло, он задувает свечу и удаляется.

В темноте тотчас же слышится шорох – это мыши пришли поживиться оставшимися от моей еды крошками. Я люблю этот шорох – каждый вечер он вдыхает жизнь в дрему,

смежающую мне глаза. Мыши будто изгоняют ночные страхи, рассеивают тьму. И безжизненность смерти уже не так тяготит меня. Порой мне даже удается убедить самого себя в том, что и после смерти жизнь продолжится. Томас высмеял бы меня за подобные мысли. А возможно, и нет...

В голову мне вдруг пришел один странный случай, о котором... ну да, за сорок семь лет я ни разу не вспоминал. Это произошло, когда мне было семнадцать – я как раз стоял во дворе, дожидаясь подводы до Тонсберга, а оттуда до Копенгагена. Мне не терпелось побыстрее отправиться в путь и увидеть мир, и именно тогда ко мне подошел старый карлик Сигварт из Брума. На его морщинистой физиономии застыло выражение тревоги – он отвел меня в сторону и сказал:

– Петтер, сегодня ночью мне приснился вещий сон.

Сны Сигварта меня ничуть не занимали, потому что я в них не верил. Деревенские лишь потешались над его рассказами о вещих снах. Я оглядел сумки: как бы чего не забыть. А тут еще и хозяйка вынесла мне съестного в дорогу, поэтому Сигварта я слушал вполуха, но он потянул меня за рукав и настойчиво проговорил:

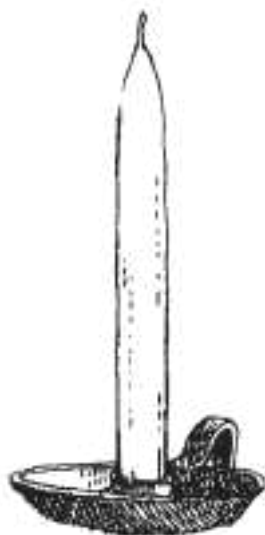
– Ты стоял на высокой крутой горе – знаешь, прямо как гора Веггефьель. И было темно. Ты кого-то боялся и подбежал к самому краю. Слышишь, Петтер? И ты кинулся наземь, ничком, возле самого обрыва, глядя вниз, прямо в глаза смерти. В темноту. И тот, кто гнался за тобой, вдруг отвернулся и бросился на кого-то другого, схватил его и бросил в бездну. Тот, другой, перелетел через тебя и с жутким криком исчез во тьме. – Вздрогнув, Сигварт посмотрел на меня и взял за руку. Глаза у него слезились. – Кто-то умрет. Близкий тебе человек. – Он сжал мою руку и прошептал: – Береги себя хорошенько, – и, развернувшись, ушел, а я смотрел ему вслед, но тут вышел хозяин с деньгами мне в дорогу, и вскоре повозка уже везла меня в Тонсберг, так что я и думать забыл про сон Сигварта.

Почему же я внезапно вспомнил об этом сейчас? Возможно, это предзнаменование? И в чем тогда оно заключается? Может, лучше упрятать это воспоминание обратно в глубины памяти, пока оно не станет уместным? То есть когда я в своем повествовании должен буду рассказать о ней – о смерти? Потому что сон Сигварта оказался пророческим – даже чересчур. Однако не стану забегать вперед.

Начну завтра – с самого начала. Расскажу о том, как для меня начал открываться мир, о том, как я осознал, что зло в крайнем его проявлении порождает жизнь, о том, что положило начало и конец моей юной жизни и... но нет – нельзя опережать события.

Лучше посплю.

ЧЕТВЕРГ, 28 ДЕКАБРЯ ГОД ГОСПОДЕНЬ 1699

Глава 2

– В начале было число, и Число было у Бога, и Число было Один. Единственный Бог, – облачка пара вырывались у него изо рта и застывали в морозном воздухе. Томас плотнее закутался в плащ и продолжал: – Всё есть число! У всего есть число, место и отношение к другим числам. Всё можно возвести в числовую структуру, исчислить в алгебраической системе. И лишь потом возникают слова, более отвлеченные, которыми мы пользуемся в повседневных буднях. Вот тебе простой пример: нас двое. Мне тридцать девять. И слово для этого: старший. Тебе восемнадцать, следовательно, твое слово: младший. Сегодня четверг, и это понятие слишком расплывчатое. И за уточнением мы обращаемся к цифрам: двадцать восьмой день двенадцатого месяца одна тысяча шестьсот девяносто девятого года. Числа, – он довольно взглянул на меня и подкакал ближе, так что задел мою ногу, – и общеизвестно, что мир музыки тоже основан на взаимодействии цифр. Видишь ли, если струну вдвое укоротить, то получишь звук, ровно на октаву выше. И другие музыкальные интервалы тоже зависят от простых числовых отношений. Мы также познаем мир звезд, потому что при помощи чисел можем предсказать их небесное движение, – на миг умолкнув, Томас взгляделся в снежную мглу, а лошади упрямо несли нас вперед, – мой друг Оле Рёмер нашел числовое объяснение тому явлению, от которого зависит вся наша жизнь. Некоторые считают это явление самым весомым доказательством существования Господа и его заботы о нас, хотя само явление весомым не назовешь. Явление это – свет. Благодаря ему деревья тянутся к небесам, а цветок раскрывает лепестки. И Рёмер доказал, что свет возможно измерить. Теперь можно высчитать время, проходящее с того момента, когда какая-либо небесная звезда порождает свет, и до того, когда свет достигает нашей планеты. Мы способны высчитать путь, за который солнечные лучи достигают земной поверхности, которую затем согревают и на которой порождают жизнь.

Казалось, что даже воздух вокруг фигуры профессора наполнился воодушевлением и приобрел красноватый оттенок, однако его слова смутили меня, заставив содрогнуться.

Мир стал вдруг чересчур большим, необозримым и неузнаваемым. Профессор рассуждал о совсем другом мире – непохожем на тот, что я знал.

Будто прочитав мои мысли, он вдруг посмотрел на меня и, возможно, чтобы меня успокоить, проговорил:

– Бог создал мир. Но прежде, чем назвать свое творение миром, он увидел число. Один. Первый. Один мир. И миром он стал называться лишь после того, как Бог придумал это слово. Существование в Его действиях всегда можно свести к числам. Мир чисел был первоначалом всего, всем в мире управляют их принципы.

Глубоко вдохнув, я почувствовал, как ледяной воздух обжигает легкие.

– Апостол Иоанн говорит, что все было у Бога и Бог был первым и что без Него правило бы великое Ничто. В начале было Слово. И слово было Бог, – выкрикнул я: мое собственное бессилие перед мудростью и высокомерием профессора злили меня.

Этих слов он от меня и ожидал. Но, тронутый моей искренностью, он решил немного поддержать меня:

– Естественно, “Бог” было первым словом. Даже до того, как Он создал людей, чтобы те произнесли это слово. Тем не менее, прежде чем Господь назвал себя Богом, существовала Единица. То есть Единственный Бог. Но Единица появилась раньше, – цокнув языком, Томас слегка подогнал лошадь и продолжал излагать свою теорию, – в Священном Писании говорится: “В начале Бог создал небо и землю”. Но ведь наша земля – это камни, которые можно сосчитать и разделить на минералы...

Он говорил, а я посмотрел на серые тучи, сгущающиеся над лесной тропинкой, по которой мы скакали.

За день до этого, вечером, мы добрались до Хиндсгавла, переправились через залив и переночевали в Фэно в доме священника, давнего приятеля Томаса, с которым они вместе учились. Утром священник позаботился о том, чтобы нас и наших трех лошадей с поклажей переправили через Лиллебэлтет до местечка Старое Олбу, а оттуда путь наш лежал через Ютландию до Рибе, куда на новогодние празднества нас пригласил ландграф Ханс Шак из Шакенборга. Граф живо интересовался звездами и их влиянием на нашу земную жизнь и пригласил Томаса выступить с докладом о его последней теории под названием “Курс движения небесных звезд в зависимости от расстояния и величины”. Итак, ландграфу и его домоладцам хотелось послушать доклад профессора, который он сделает прямо в канун нового года, когда Земля и звезды медленно вступят в следующий год, новое десятилетие и даже новый век. По плану мы должны были прибыть в замок графа в Корсбрёдрегорден вечером следующего дня или – самое позднее – через день, то есть до начала празднеств.

Поужинали мы в небольшом деревенском трактирчике и потом весь вечер скакали, не встретив по пути ни души. Люди сидели по домам, но в такой мороз это и немудрено. Из туч на нас непрестанно сыпался снег, и лошади устало фыркали, завязая копытами в высоких сугробах.

Вновь посмотрев на небо, я машинально поднял воротник плаща. Небо было затянуто тучами – черными, как само зло, а разгуливающий по лесу ветер мешал двигаться вперед. Я обернулся и прервал рассуждения хозяина:

– Профессор, скоро начнется самая настоящая буря. Нам лучше побыстрее добраться до какого-нибудь жилья.

Томас Буберг недоуменно посмотрел на меня, а потом перевел взгляд на тучи. Сперва он казался рассеянным, но потом вздохнул и, очевидно, смирился с необходимостью уделить окружающему миру немного внимания. Он выпрямился в седле и огляделся вокруг.

– Доедем до опушки и непременно увидим жилье. Вскоре... – заявил он и, прикрывая глаза от ветра полями шляпы, добавил: – наверное.

Надо сказать, произошло это вовсе не “вскоре”. В темноте долго кружили вокруг постоянного двора, пока наконец не обнаружили его. Ехали мы, съездившись и уткнувшись в лошадиную гриву, но потом моя лошадь вдруг громко заржала. Как раз в эту секунду ветер вдруг стих, и до нас донеслось ответное ржанье, из чего мы заключили, что совсем неподалеку – люди, жилье и уж точно лошади.

Сначала свернули влево, прямо в высокие сугробы, – лошади бешено косили глазами, а мы, в надежде быстрее обрести крышу над головой, гнали лошадей вперед, пока не уткнулись в высокую каменную стену. Томас что-то выкрикнул, но его голос потонул в вое ветра, тогда он указал вправо и поехал вдоль стены, так что лошадь оказалась по грудь в сугробе. Третья, выючная, лошадь уткнулась мордой мне в ляжку и задрожала, а это означало, что скоро она упадет от усталости и больше не поднимется. Я свернул в сторону, подальше от стены, и вскоре потерял из виду и стену, и Томаса, зато вывел лошадей из сугроба.

Томас исчез. Прикрыв ладонью глаза от ледяного ветра, я взгляделся в снег возле стены. Лошадь моя идти больше не желала, и я изо всех сил ударил ее по крупу, но лишь расшиб пальцы, не причинив самой лошади особой боли. Кобыла не двинулась с места.

Я подумал было, что неплохо спешиться и повести обеих лошадей под уздцы, но понял, что это лишь ускорит мою гибель. Кобыла подо мной качалась от усталости, а из ее ноздрей вырывались клубы пара, тотчас же исчезающие в ненасытных порывах ветра.

Мне даже показалось забавным – умереть вот так, верхом на лошади и, возможно, совсем рядом с постоянным двором, где путников дожидаются кров и еда. В эту секунду я разглядел во тьме фигуру Томаса. Увидев его внушительный силуэт, кобыла моя словно тоже ожила и, признав в грузном профессоре собрата по несчастью, очертя голову рванулась вперед, через сугробы, увлекая за собой и выючную лошадь.

Следуя за Томасом, мы добрались до массивных деревянных ворот, у которых, правда, не было ручек. Подъехав поближе, профессор что было силы стукнул ногой по воротам, но его удар потонул в шуме ветра, и только налипший на ворота снег слегка осыпался.

Выражение его лица в ту секунду я истолковал как гримасу боли и страстной латинской молитвы, и еще от моего взгляда не ускользнула висевшая слева от ворот веревка. Дернув за нее, я прислушался, но слабый звон колокольчика, который я так надеялся услышать, видимо, тоже поглотила вьюга, поэтому оставалось лишь надеяться, что там, внутри, звон услышат.

В ожидании мы нетерпеливо поглядывали на ворота и пытались увернуться от ветра и жалящих лицо снежинок. Никто не откликнулся.

Я вновь несколько раз дернул за шнурок, – наконец за воротами послышался шум. Ворота приоткрылись, и в образовавшейся щели показались фонарь и голова в меховой шапке, из-под которой на нас недоверчиво смотрела пара черных глаз.

– Любезнейший, – Томас попытался перекричать бурю, – не пустите ли на ночлег?

Человек оглядел лошадей, которые валились с ног от усталости, и перевел взгляд с Томаса на меня, затем его рот, плотно обросший густой бородой, открылся, и до меня донеслось некое подобие слова “да”. Он оказался на голову выше меня, а руки его напоминали лопаты, но даже ему пришлось изо всех сил надавить плечом на ворота, так чтобы мы с лошадьми смогли втиснуться в образовавшийся проем.

Сугробы во дворе намело по колено, и мы с трудом побрели по едва заметной тропинке к какому-то зданию – как позже выяснилось, конюшне. Неподалеку находилось еще одно строение, в окнах которого я сквозь метель разглядел свет.

Здесь вой ветра был не столь оглушающим, однако наш хозяин разговаривать, похоже, не желал. Отвернувшись, он начал отвязывать нашу поклажу с лошадиного крупа, а потом принялся протирать кобыл соломой, что-то ласково бормоча и успокаивая их, будто никто больше его не заботил. Почувствовав, как усталость ударила мне в голову, я опустил в стог

сена и прикрыл глаза. Передо мной пронеслись картины недавно пережитого – черные деревья, грозно склоняющиеся над нами в порывах ветра, снежинки, колющие глаза и кожу, треск сломанных сучьев, боль, изнеможение, сугробы, покрытые ледяной коркой, жадными когтями впивающиеся в грудь и ноги лошадей и высасывающие из них силу. Но я был настолько измучен, что не мог открыть глаза и отогнать эти видения, и вот уже из лесной чащи на меня скалились огромные снежные чудовища с острыми зубами. А позади них показалась некая закутанная в черный плащ фигура – и это существо медленно приближалось ко мне, не оставляя на снегу никаких следов. Я пытался разглядеть лицо, прикрытое полями шляпы, но видел лишь черноту. И внезапно я понял! От ужаса я открыл глаза, и существо с остро наточенной косой исчезло. Я испуганно посмотрел на дверь, едва выдерживавшую порывы ветра. Буря будто вопила от ярости, оттого что в последний момент мы ускользнули от нее, и я в отчаянии зажал ладонями уши и съежился, стараясь припомнить слова молитвы “Господь, дай мне силу и укрепи веру”. Лишь благодаря чуду Господню мы не остались там, в лесу, не оконечили от холода и не пролежали под снегом до самого Сретенья. Весной, когда просыпаются цветы и деревья, а солнце победило наконец снег, какая-нибудь голодная лиса откопала бы наши тела. Всё вокруг возрождалось бы к жизни. Кроме нас. Нам возродиться было бы не суждено. Мы превратились бы в прах, став пищей для ворон и муравьев. Меня охватила дрожь, такая сильная, что даже зубы застучали. Томас крепко приобнял меня, и я понемногу успокоился.

– Не волнуйся, Петтер, ну, будет. Всё уже позади. Мы справились. Ну хватит, довольно. Подумаешь – небольшая метель. Нас так просто не возьмешь! Теперь неплохо бы перекусить и выспаться. – Томас взглянул на громилу. – В дальнем углу конюшни оказалась печка, на которой тот подогрел воду и напоил лошадей. Еще там была лежанка и деревянный ящик, а на нем стояли котел и тарелка.

– Пойдем-ка поищем трактир, пока этот парень не довел нас до голодной смерти!

С трудом встав на ноги, я поднял сумки. Бородач посмотрел на нас, и я заметил, что возле одного глаза у него алеет длинный рубец, похожий на какую-то дьявольскую отметину. Надо сказать, я порадовался, что не придется ночевать здесь, в конюшне, рядом с ним.

– Где тут у вас харчевня? – спросил Томас.

Коротко кивнув, очевидно, указывая направление, парень вновь вернулся к лошадям.

– Ну, хоть с лошадьми все будет в порядке, – усмехнулся Томас. Мы вышли во двор и двинулись к крыльцу трактира, при этом я старался ни на шаг не отставать от Томаса. Поднявшись по ступенькам, открыли дверь и шагнули в жарко натопленную комнату. От аромата еды я едва не заплакал. Томас стряхнул с сапог снег и крикнул:

– Принесите-ка нам поесть чего-нибудь горячего! И побыстрее! Пока дьявол не забрал нас к себе! – и грузно опустился за стол.

Сидевший за столом мужчина засмеялся и поднял пивную кружку:

– Видно, сегодня кто-то не на шутку рассердил Господа Бога – такой скверной погоды тут уж давненько не было.

– Некоторые не отличат Господа от самого Вельзевула, даже если один будет облачен в белое, а другой – в черное. И как после этого требовать от тех же самых людей, чтобы они различали творения рук их? Ведь не оставляет сомнений, что это – проделки Князя Тьмы! – сухо откликнулся сидевший позади меня старый священник с крючковатым носом. Он лишь мельком взглянул на нас и вернулся к трапезе.

– Тогда Господь слишком уж многое позволяет этому самому князю... – пробормотал в ответ его собеседник, озабоченно посмотрев в окно и прихлебывая пиво.

Молодая девушка примерно моего возраста подошла к большому черному котлу, висевшему над очагом, и разлила по мискам суп. Поставив перед нами миски и положив хлеб, она принесла нам пива.